

*В память о Чарли Джонсе,
лингвисте, профессоре, друге*

Слова благодарности

Один человек по имени Стивен Кинг как-то сказал: «Никто не пишет длинный роман в одиночку». Мне было лет десять, когда я впервые прочла эти слова в самом начале «*Salem's Lot*»¹. Но они и сегодня полностью соответствуют действительности.

Роман «Голос» родился при участии многочисленных матерей и отцов, и каждого из них я должна поблагодарить.

Во-первых, я благодарна своему литературному агенту Лоре Брэдфорд за честность, ясный ум, доброжелательность и постоянную готовность подбодрить. Ни один писатель не пожелал бы для своих творений лучшего защитника.

Я благодарна также: моему американскому издателю, Синди Хван из Беркли, а также моему британскому издателю, Шарлотте Мёрселл из штаб-квартиры «HarperCollins»; и обеим командам этих издательств за проявленный ими поистине свирепый энтузиазм.

Спасибо моим первым читателям, Стефании Хаттон и Калебу Эштерлинг, за то, что они с такой скоростью прочли этот роман, написанный всего за два месяца, и помогли ему по-настоящему засиять.

Спасибо Джоанне Мерриэм из «Upper Rubber Boot Books». Без ее личного звонка о приеме рукописи на рассмотрение в антологии «Broad Knowledge: 35 Women Up to

¹ Роман Стивена Кинга, в русском переводе называется «Жребий» (1975). — *Здесь и далее прим. перев.*

No Good» история доктора Джин Макклеллан могла бы никогда не увидеть свет.

Я также благодарна Эллен Брайсон, Кайле Понграк и Софии ванн Льюин, которые подвергли эту историю внимательной и острой критике, а затем велели мне продолжить работу.

Спасибо многочисленным авторам флеш-фикшн и издателям, которые столько лет кричали о моей работе, чем и оказали мне неоценимую поддержку. Вы все знаете, кого я имею в виду.

Я благодарна и тебе, дорогой читатель, ибо ты последним оценишь эту историю. Я очень надеюсь, что тебе она понравится. Мало того, я надеюсь, что она немножко разозлит тебя. А еще я надеюсь, что она заставит тебя думать.

И, наконец, спасибо моему мужу Брюсу, который поддерживает меня почти во всем, что я делаю. И никогда, никогда не говорит, что я слишком много болтаю.

Глава первая

Если бы кто-то сказал мне, что я за какую-то неделю сумею свергнуть нашего президента, положить конец Движению Истинных, а также уничтожить такую бездарь и ничтожество, как Морган ЛеБрон, я бы ни за что не поверила. Но спорить не стала бы. Я бы вообще ничего не сказала.

Потому что с некоторых пор мне, женщине, разрешено произносить лишь несколько слов.

Вот и сегодня вечером за ужином, прежде чем я успеваю использовать последние из отпущенных мне на день слов, Патрик выразительным жестом стучит по тому проклятому серебристому устройству, что красуется у меня на левом запястье. Этим жестом он как бы говорит, что полностью разделяет мою беду, а может, просто хочет напомнить, чтобы я была осторожней и помолчала, пока ровно в полночь счетчик не обнулит показатели и не запустит новый отсчет слов. Обычно я уже сплю, когда осуществляется это магическое действие, так что и в этот раз вторник у меня начнется с девственно-чистого листа. То же самое произойдет и со счетчиком моей дочки Сони.

А вот мои сыновья счетчиков слов не носят.

И за обедом они обычно болтают без умолку, обсуждая всякие школьные дела.

Соня тоже учится в школе, но никогда не тратит драгоценные слова на разговоры о событиях минувшего дня. За ужином, поглощая приготовленное мною по памяти какое-нибудь примитивное рагу, Патрик задает Соне вопросы о том, каковы ее успехи на уроках домоводства, физкультуры

и нового школьного предмета, который называется «Основы домашней бухгалтерии». Слушается ли она учителей? Будут ли у нее в этой четверти высокие оценки? Патрик точно знает, какие именно вопросы следует задавать девочке: очень понятные и требующие однозначного ответа — либо кивка, либо отрицательного качания головой.

Я наблюдаю за ними, слушаю и невольно так впиваюсь ногтями себе в ладони, что там остаются красные полумесяцы. Соня кивает или качает головой в зависимости от вопроса и недовольно морщит носик, когда ее братья, наши юные близнецы, не понимая, как важно задавать вопросы, требующие только да/нет или же максимально краткого ответа из одного-двух слов, пристают к ней с расспросами о том, хорошие ли у нее учителя, интересные ли уроки и какой школьный предмет ей нравится больше всего. То есть обрушивают на нее лавину вопросов с открытым концом. Мне не хочется думать, что близнецы нарочно искушают сестренку, или дразнят ее, или пытаются поймать на крючок, заставляя произносить лишние слова. Но с другой стороны, им ведь уже одиннадцать лет, и они бы должны были все понимать, поскольку видели, что с нами бывает, если мы выходим за пределы отпущенного нам лимита слов.

У Сони начинают дрожать губы, она смотрит то на одного близнеца, то на другого, а ее розовый язычок, невольно высунувшись, начинает нервно облизывать пухлую нижнюю губу — ведь язык как бы обладает своим собственным разумом, не желающим подчиняться закону. И тогда Стивен, мой старший сын, протянув через стол руку, нежно касается указательным пальцем губ сестренки.

Я могла бы сформулировать близнецам то, чего они не понимают: все мужчины теперь выступают единым фронтом в том, что касается школьного обучения. Однонаправленная система. Учителя говорят. Ученики слушают. Это стоило бы мне восемнадцати слов.

А у меня осталось всего пять.

— Как у нее обстоят дела с запасом слов? — спрашивает Патрик, мотнув подбородком в мою сторону. И тут же перестраивает свой вопрос: — Она его расширяет?

Я только плечами пожимаю. К своим шести годам Соня должна была бы иметь в своем подчинении целую армию из десяти тысяч лексем, и это маленькое индивидуальное войско мгновенно строилось бы и вставало по стойке «мирно», подчиняясь приказам ее все еще очень гибкого и восприимчивого мозга. Должна была бы, если бы пресловутые школьные «три R»¹ ныне не были сведены к одному: самой примитивной арифметике. В конце концов, как ожидается, в будущем моей подростковой дочери суждено всего лишь ходить в магазины и вести домашнее хозяйство, то есть играть роль преданной, послушной долгу жены. Для этого, разумеется, нужна какая-то самая примитивная математика, но отнюдь не умение читать и писать. Не знание литературы. Не собственный голос.

— Ты же специалист по когнитивной лингвистике, — говорит мне Патрик, собирая грязные тарелки и заставляя Стивена ему помогать.

— Была.

— И есть.

Вроде бы за целый год я должна была бы уже привыкнуть, но иной раз все же слова как бы сами собой вырываются наружу, прежде чем я успеваю их остановить:

— *Нет! Больше уже нет.*

Напряженно слушая, как мой счетчик тиканьем отсчитывает еще четыре слова из последних пяти, Патрик хмурится. Это тиканье гулким эхом, точно зловещие звуки военного барабана, отдается у меня в ушах, а счетчик на запястье начинает неприятно пульсировать.

— Довольно, Джин, остановись, — предостерегает меня Патрик.

Мальчики тревожно переглядываются; их беспокойство понятно: они хорошо знают, ЧТО случается, когда мы, женщины, выходим за пределы разрешенного коли-

¹ На американском школьном сленге «three R's» (reading, 'riting, 'rithmetic) означают «чтение, письмо, счет», то есть основу школьных знаний.

чества слов, обозначаемого тремя цифрами. Один, ноль, ноль. 100. И это неизбежно произойдет снова, когда я произнесу свои последние за этот понедельник слова — а я непременно скажу их своей маленькой дочери хотя бы шепотом. Но даже эти несчастные два слова — «спокойной ночи» — не успевают сорваться с моих губ, ибо я встречаюсь с умоляющим взглядом Патрика. *Умоляющим...*

Я молча хватаю Соню в охапку и несу в спальню. Она теперь уже довольно тяжеленькая и, пожалуй, великовата, чтобы носить ее на руках, но я все-таки несу, крепко прижимая ее к себе обеими руками.

Соня улыбается мне, когда я укладываю ее в постель, накрываю одеялом и подтыкаю его со всех сторон. Но, как и всегда теперь, никаких историй перед сном, никакой Доры-исследовательницы, никакого медвежонка Пуха, никакого Пятачка, никакого Кролика Питера и его неудачных приключений на грядке с латуком у мистера МакГрегора. Мне становится страшно при мысли о том, что Соня уже научилась воспринимать все это как норму.

Я без слов напеваю ей мелодию колыбельной, где вообще-то говорится о птичках-пересмешниках и козлятах, хотя я очень хорошо помню слова этой песенки, у меня и сейчас стоят перед глазами прелестные картинки из книжки, которую мы с Соней в прежние времена не раз читали.

Патрик застыл в дверях, глядя на нас. Его плечи, когда-то такие широкие и сильные, устало опущены и напоминают перевернутую букву «V»; и на лбу такие же опущенные книзу глубокие морщины. Такое ощущение, словно все в нем обвисло, устремилось вниз.

Глава вторая

Оказавшись в спальне я, как и во все предыдущие ночи, немедленно заворачиваюсь в некое невидимое одеяло из слов, воображаю, будто читаю книгу, разрешая своим глазам сколько угодно скользить в танце по возникающим перед глазами знакомым страницам Шекспира. Но иной

раз, подчиняясь пришедшей в голову прихоти, я выбираю Данте, причем в оригинале, наслаждаясь его статичным итальянским. Язык Данте мало изменился за минувшие столетия, однако я сегодня с изумлением обнаруживаю, что порой лишь с трудом пробиваюсь сквозь знакомый, но подзабытый текст — похоже, я и родной язык несколько подзабыла. А интересно, думаю я, каково придется итальянкам, если наши новые порядки когда-нибудь станут международными?

Возможно, итальянки станут еще более активно прибегать к жестикуляции.

Однако шансы на то, что наша болезнь распространится и на заморские территории, не так уж велики. Пока наше телевидение еще не успело стать государственной монополией, а нашим женщинам еще не успели напялить на запястья эти чертовы счетчики, я всегда старалась смотреть разнообразные новостные программы. Аль-Джазира, Би-би-си и даже три канала итальянской общественной телекомпании RAI; да и на других каналах время от времени бывали различные интересные ток-шоу. Патрик, Стивен и я смотрели эти передачи, когда младшие уже спали.

— Неужели мы обязаны это смотреть? — стонал Стивен, развалившись в своем любимом кресле и держа в одной руке миску с попкорном, а в другой — телефон.

А я только прибавляла звук.

— Нет. Не обязаны. Но пока еще можем. — Никто ведь не знал, долго ли еще эти передачи будут доступны. Патрик уже поговаривал о преимуществах кабельного телевидения, хотя и эти телекомпании висели буквально на ниточке. — Кстати, Стивен, такая возможность есть уже далеко не у всех. — Я не стала прибавлять: *Вот и радуйся, что у тебя она пока есть.*

Хотя радоваться было особенно нечему.

Практически все эти ток-шоу были похожи друг на друга как две капли воды. И день за днем их участники над нами смеялись. Аль-Джазира, например, называла господствующий в нашей стране порядок «новым экстремиз-

мом». У меня это могло бы, пожалуй, вызвать улыбку, но я уже и сама понимала, как много в этом названии правды. А британские политические пандиты только головой качали и думали, явно не желая говорить этого вслух: *Ох уж эти сумасшедшие янки! А теперь-то они что творят?* Итальянские эксперты, отвечая на вопросы сексапильных интервьюерш — все эти девицы выглядели полуодетыми и чрезмерно размалеванными, — сразу начинали кричать, крутить пальцем у виска и смеяться. Да, они смеялись над нами. Говорили, что нам необходимо расслабиться, а то мы в итоге придем к тому, что наши женщины будут вынуждены носить головные платки и длинные бесформенные юбки. На одном из итальянских каналов показали весьма непристойный скетч о содомии, в котором двое мужчин в пуританской одежде занимались любовью. Неужели жизнь в Соединенных Штатах действительно представлялась им именно такой?

Не знаю. В Италию я в последний раз ездила еще до рождения Сони, а теперь у меня и вовсе нет никакой возможности туда поехать.

Наши загранпаспорта были аннулированы еще до того, как нам запретили говорить.

Тут, пожалуй, следует пояснить: паспорта аннулировали не у всех.

Я выяснила это в связи с самыми что ни на есть насущными обстоятельствами. В декабре я обнаружила, что у Стивена и близнецов истек срок загранпаспортов, и пошла в Интернет скачать заявки на три новых паспорта. Соне, у которой вообще еще не было никаких документов, кроме свидетельства о рождении и книжечки с отметками о сделанных прививках, требовалась иная форма.

Обновить паспорт мальчикам оказалось легко; все было точно так же, как и всегда с документами для Патрика и для меня. Когда же я кликнула заявку на новый паспорт для себя и на паспорт для Сони, то меня отослали на некую страницу, которой я никогда прежде не видела, и там был задан только один-единственный вопрос: **Является ли подающий заявку мужчиной или женщиной?**

Я глянула на Соню, игравшую с набором разноцветных кубиков на ковре в моем так называемом кабинете, и выбрала квадратик со словом **женщина**.

— Красный! — крикнула Соня, подняв глаза на экран.

— Да, дорогая, — сказала я. — Это красный цвет. Очень хорошо. А как еще можно сказать?

— Алый!

— Отлично.

И она тут же продолжила сыпать синонимами:

— Малиновый! Вишневый!

— Молодец! Ты все прекрасно поняла, детка. — И я, погладив ее по голове, бросила на ковер еще один набор кубиков. — А теперь попробуй подобрать оттенки синего цвета.

Вновь повернувшись к компьютеру, я поняла, что в самый первый раз Соня имела в виду не кубики; просто она правильно назвала цвет надписи на экране. Слова действительно были написаны ярко-красным. Красным, как гребаная кровь!

Пожалуйста, свяжитесь с нами по телефону, указанному ниже. Или можете написать нам по адресу: applications.state.gov. Спасибо!

Я минимум раз десять пыталась дозвониться по указанному номеру, потом мне это надоело, и я отправила e-mail, но ответа мне пришлось ждать еще дней десять. Точнее, я получила нечто вроде ответа: в полученном мной через полторы недели электронном письме говорилось, что мне нужно посетить местный паспортный стол.

— Могу я вам чем-то помочь, мэ? — осведомился чиновник, когда я нарисовалась перед ним с Сониным свидетельством о рождении в руках.

— Можете, если именно вы занимаетесь оформлением загранпаспортов. — И я просунула все необходимые документы в щель под щитком из плексигласа.

Чиновник — на вид ему вряд ли было больше девятнадцати — тут же их схватил и попросил меня подождать.

— Ой, — торопливо сказал он, почти сразу вернувшись обратно, — мне же еще и ваш паспорт нужен. На минутку. Просто чтобы копию сделать.

Затем мне сказали, что Сонин паспорт будет готов лишь через несколько недель. Но так и не сообщили, что мой собственный паспорт уже недействителен.

Это я выяснила значительно позже. А Соня никакого паспорта так и не получила.

В самом начале кое-кому еще удавалось выбраться. Некоторые попросту переходили через канадскую границу; другие на лодках добирались до Кубы, Мексики, островов. Однако власти довольно быстро установили повсюду пункты проверки, ну а стена, отделявшая Южную Калифорнию, Аризону, Нью-Мексико и Техас от Мексики, уже и так была давно построена, так что исход населения вскоре практически прекратился.

— Мы не можем допустить, чтобы наши граждане, наши матери и отцы, целиком наши семьи бежали за границу, — заявил президент в одном из своих первых обращений к народу.

Я и сейчас думаю, что и мы вполне успели бы сбежать, если бы мы с Патриком были только вдвоем. Но когда у вас четверо детей и младшая девочка еще совсем не понимает, что при виде пограничников нельзя вертеться в автомобильном креслице и радостно щебетать «Канада!»... — нет, теперь это оказалось совершенно невозможно.

Так что сегодня никаких особо приятных фантазий на тему итальянского языка у меня не возникло — особенно после пробудившихся горьких мыслей о том, как легко они сумели заставить нас жить в собственной стране точно в тюрьме. А тут еще и Патрик лег рядом, обнял меня и сказал, чтобы я постаралась поменьше думать о том, как все было раньше.

Как все было раньше...

А ведь раньше мы частенько допоздна засиживались за разговорами. Раньше мы по выходным с утра долго валялись в постели, отложив домашние дела на потом и читая воскресные газеты. Раньше мы устраивали коктейли, званые обеды, а летом, если была хорошая погода, устраивали

барбекю. Раньше мы играли в карты — сперва в «Spades» и бридж, а потом, когда дети достаточно подросли, чтобы отличать пятерку от шестерки, вместе с ними играли в «War and go fish».

Что же касается непосредственно меня, то у меня раньше были подруги, с которыми мы регулярно где-нибудь встречались и устраивали девичники, которые Патрик в шутку называл «праздник в курятнике». Но я знала, что это он говорит любя, просто мужчинам нравится пользоваться такими пренебрежительными выражениями. Во всяком случае, я себя убеждала, что это именно так.

Раньше у нас были книжные клубы, и мы встречались с друзьями в кофейнях и спорили о политике в винных барах, потом, правда, подобные споры переместились в подвалы — так сказать, наша версия того, как в Тегеране читали «Лолиту». И Патрик никогда, насколько я знаю, не возражал против моих еженедельных исчезновений, хотя порой и подшучивал над нашими политическими дебатами, но вскоре оказалось, что подшучивать больше не над чем. Хотя мы, по его словам, были именно теми голосами, которые невозможно заглушить.

Ну что ж. Пожалуй, хватит о надежности и непогрешимости Патрика.

Глава третья

Когда все это началось — но задолго до того, как кто-либо из нас сумел себе представить, что таит ближайшее будущее, — среди моих знакомых оказалась одна провидица из числа самых громкоголосых. Ее звали Джеки Хуарес.

Думать о Джеки мне сейчас не очень хочется, но память мне не подчиняется, и время вдруг словно поворачивает вспять, и я возвращаюсь года на полтора назад, в те дни, что наступили сразу после инаугурации. Я снова сижу у нас в гостиной и тщетно пытаюсь убедить мальчишек смеяться потише, чтобы не разбудить Соню, и Стивен, входя в гостиную с тремя плошками с мороженым в руках, замечает: